

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

И.И. Погорская (Киев)

Идея национального суверенитета является традиционной фундаментальной ценностной основой формирования внешней политики государства. Понимание нацией, как политическим сообществом, своего предназначения, роли и ценностей способствует ведению эффективной игры на просторах международных взаимодействий, усиливает степень реалистичности последней. С теоретических позиций термин «суверенитет» толкуется как наличие абсолютной власти (от которой зависят все) и неделимой (не зависит ни от кого, кроме себя). Суверенитет одновременно является высшей властью и одновременно источником власти.

Со времен Т. Гоббса проблематика суверенитета дебатруется в рамках двух ведущих концепций. Первой является концепция национального суверенитета с опорой на понятие нация, где предлагается ее понимание как неделимой и отличной от других коллективной сущности индивидов. Второй определена концепция народного суверенитета, где носителем суверенитета является народ, который рассматривается как конкретное сообщество граждан, объединенных отношениями совместного социального контракта [1, р. 47 – 96]. Таким образом, оба варианта трактуются с позиций определения репрезентационной сущности. Первая позиция предполагает толкование, согласно которому суверенитет принадлежит нации, т.е. абстрактной коллективной человеческой сущности на данной территории в данный момент времени, которая поддерживает связь поколений. Вторая позиция акцентирует на целесообразности использования понятия «народ». Народный суверенитет понимается как принадлежащий народу – реальной сущности, определенной как ансамбль людей, живущих на данной территории. В первом варианте приведения к действию прямой демократии невозможно. Во втором теоретически возможно, но затруднено с позиций практики. Поэтому с функциональных позиций предпочтение отдается репрезентативной форме демократии.

Наряду с тем стоит отметить, что различие между двумя вариантами часто трактуется в современных демократиях как несправедливое. Соответственно компромисс заключается в следующем определении: национальный суверенитет принадлежит народу. Связанность национального суверенитета с национальной идентичностью традиционно вызывает рефлексию на факторы территориальной целостности и независимости нации как фундамент национальной государственности. Однако современное мировое пространство представлено не только классическими национальными государствами. Эффективное наполнение международных взаимодействий происходит как за счет традиционных акторов, так и новых нетрадиционных игроков. На практике данный процесс ведет к уменьшению в действиях этих акторов рефлексии на вертикальный авторитет государства

над собственной территорией в пользу транснациональных сил. То есть акцент смещается в сторону горизонтальной власти. Таким образом, сейчас есть смысл говорить о новой экстратерриториальности власти и мобильности как решающем стратегическом факторе в борьбе за власть.

В иерархии глобальных мощных игроков места на вершине занимают те акторы, уровень организации деятельности которых уменьшает зависимость от пространства, они более свободны в размещении своего властного потенциала. С другой стороны, определенная «виртуальность» не освобождает национальных актеров от традиционных функций, прежде всего защиты территории. Поэтому понятие пространства конкретизируется и через территориальные, и через политические измерения. Таким образом, в формировании внешнеполитических стратегий истеблишмент должен учитывать, что реализация «суверенной» власти невозможно без владения как традиционными, так и новейшими ресурсами для ее осуществления. Чем они меньше, тем большим становится номинальный суверенитет.

Во внутреннем измерении суверенитет подается как идея окончательной и абсолютной власти в политическом сообществе. Здесь суверенитет и государство неразрывно связаны. Внешнее измерение суверенитета определяется, прежде всего, как конституционная независимость, как власть, источником которой является конституция государства. Таким образом, суверенитет выражается в правовой, а не в физической реальности [2].

Фактически исследователи двух измерений приходят к выводу, что центральная роль суверенитета как организующего принципа в системе международных отношений, по сути, остается без изменений. Возможно, однако, это положение требует доказательств. С другой стороны суверенитет уже не воспринимается как нечто данное, фиксированное, неприкосновенное. Тема изменения (размывания, исчезновения) национального суверенитета рассматривается в основном в рамках изучения глобализации и процесса становления нового мирового порядка, а также в связи с военными действиями в отношении отдельных стран. Однако причины трансформации суверенных прерогатив государства исследованы недостаточно глубоко и полно. Трансформации национального суверенитета представлены как процесс, происходящий под влиянием мощных наднациональных сил. Но важен и следующий аспект: суверенитет в большой степени, сокращается добровольно самими национальными государствами. Таким образом, есть смысл зафиксировать двусторонний характер трансформации суверенитета в условиях глобализации. С одной стороны, усиливаются факторы, вызывающие сокращение номенклатуры и объема суверенных полномочий государств, с другой – большинство государств добровольно идут на ограничения своего суверенитета.

С позиций международно-политической практики под суверенитетом в политической науке понимается важнейший признак государства, выражающийся в его полной самостоятельности, верховенстве во внутренней и независимости во внешней политике. Необходимость комплексного

переосмысления и переоценки практического содержания понятия «суверенитет» на современном историческом этапе обуславливается возникновением мирового политического сообщества, уточнением принципов частных суверенитетов, принципов их сочетания друг с другом и построения их иерархии, а также действиями на международной арене новых акторов – конкурентов государства (ТНК, негосударственных организаций и наднациональных структур). В результате сокращается объем национального суверенитета и подрывается статус государства как главного субъекта международных отношений. Трансформации происходят как в моделях поведения как государств, корпораций и групп, так и человека, как носителя политической культуры и участника глобальных коммуникативных процессов [3].

Сокращение объема суверенных прерогатив государства имеет как положительные, так и отрицательные последствия. При этом баланс позитивов и негативов является отличным для разных стран, регионов, территорий и даже слоев общества. Отсюда – неоднозначное отношение к глобализации, акцент на ее хаотичности. Создавая контуры нового порядка, глобализация ломает прежний порядок, причем скорость разрушения старых отношений часто сильно опережает строительство новых. Одна из главных причин глобально-системной неустойчивости заключается в том, что политические институты отстают от экономики, которая переросла национальные рамки, требует наднационального планирования и совместного контроля над источниками колебаний рынков. Направление, формы и результаты мировых процессов будут зависеть от меняющегося баланса сил, от стратегии, которую выберут те или иные страны и объединения, от различных геополитических факторов и комбинаций. Соответственно, те, кто стремится занять значимые позиции во взаимозависимом и меняющемся мире, должны прогнозировать и предвидеть тенденции, используя их в своих интересах.

Одним из актуализированных направлений современных исследований взаимосвязь глобализации, суверенитета и национализма. На практике суверенные права и полномочия государств и наций всегда ограничивались разными факторами. Объем суверенитета существенно сузился де-юре – за счет международных договоренностей, де-факто – в силу сложившихся традиций. Можно констатировать, что сфера внутренних компетенций государства, которая регулируется только национальным правом и обычаями, сужается, а действие международного права расширяется. Тем не менее, мир наблюдает и острую защитную реакцию – рост национального самосознания и желание защитить традиционное общество.

Академические исследования суверенитета в эпоху глобализации дебатировать проблематику «нового суверенитета». Принципиальное внимание научных экспертов сфокусировано на таких направлениях анализа: фундаментальной природе суверенитета, пересмотре классической перспективы, подъеме конструктивистской альтернативы, внимание к иерархии в международных взаимодействиях, реализации форм смешанного или

ограниченного суверенитета. Анализ соответствующих исследований позволяет утверждать, что суверенитет гораздо более проблематичным понятием, чем в эпоху доминирования классических моделей. Как один из видов властных отношений, суверенитет сохраняет особенности взаимосвязи внутреннего и внешнего измерений. По оценке ведущего специалиста по данной проблематике С. Краснера, внутреннее измерение отражает необходимость эффективного контроля над территорией государства, тогда как внешнее измерение является предпосылкой для международного признания и предполагает отношения формального равенства на международной арене [4, p. 179–210].

Другое направление обнаружения действенной сущности суверенитета состоит в исследовании качественных характеристик отношений между государствами, фиксируя внутреннюю иерархию и внешнюю анархию двумя лицами «нового суверенитета» современности. Принципиальную критичность сохраняют конструктивистские исследования, которые эффективным путем толкования реальности предлагают анализ социальных фактов, социальных структур, что приводятся в действие политикой государств. Поэтому суверенитет не является экзогенным относительно системы, но воспроизводится на основе практики. К. Реус-Смит концептуально представил трактовку суверенитета, как одного из трех элементов международных сообществ: конституционного строя, нравственных целей государства, которые отражают нормы законности действий, суверенитет [5, p. 127–131]. Итак, в международно-политическом анализе данный подход представляет качественно новое понимание национального суверенитета как динамического и социально конструированного. Суверенитет действительно может быть представлен как социальная конструкция, что меняется с течением времени, но его восприятие как общесистемного атрибута государства является константой.

Таким образом, на международном уровне суверенитет означает, что ничто не может быть сделано в отношении государства без его согласия. Однако на практике этот статус суверенитета остается крайне реляционным, если не диалектическим, потому что государственный суверенитет не только зависит от готовности государства быть суверенным, но и от степени суверенитета, который может защитить против суверенного действия других. В научно-экспертном сообществе нет единого взгляда на роль суверенитета в современной мировой политической практике. Принципиальные позиции представлены сторонниками традиционного подхода и сторонниками обновления последнего. Сторонники деактуализации традиционных устоев международно-системных построений аргументируют свою позицию, учитывая историчность процесса формирования системы национальных государств. Наряду с тем особое внимание исследователей обращено на такие вопросы как критерии суверенного государства, вызовы традиционной идее суверенитета в эпоху глобальных, которые, возможно, потребуют пересмотра самой концепции суверенитета, что отражает разрыв между практикой международных взаимодействий и традиционным восприятием национального суверенитета.

1. Agnew, J. *Globalization and Sovereignty* / J. Agnew. – New York: Rowman and Littlefield, 2009. – 216 p.
2. Моисеев, А.А. Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты / А.А. Моисеев. – М.: Научная книга, 2006. – 246 с.
3. Сергунин, А.А. Суверенитет: эволюция концепта / А.А. Сергунин // Политэкс [Электронный ресурс]. – 2010. – № 4. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/756/30/>. – Дата доступа: 22.02.2015.
4. Krasner, S.D. *Power? The State and Sovereignty essays on international relation* / S.D. Krasner. – New York: Routledge, 2009. – 312 p.
5. Reus-Smit, C. *The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations* / C. Reus-Smit. – Princeton: Princeton University Press, 2009. – 216 p.

Репозиторий ВГУ